

Оноре де
БАЛЬЗАК

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ
ЖЕНЩИНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Б 21

Honoré Balzac
LA FEMME DE TRENTE ANS,
LE CHEF-D'OEUVRE INCONNU,
LE COLONEL CHABERT

Перевод с французского
Иоанны Брюсовой, Надежды Жарковой
и Владимира Петрова

Серийное оформление Евгения Савченко

ISBN 978-5-389-23415-4

© Н. М. Жаркова (наследники), перевод, 1949
© В. А. Петров, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ
ЖЕНЩИНА

I

Первые ошибки

Однажды в начале апреля 1813 года выдалось воскресное утро, сулившее парижанам один из тех погожих дней, когда они наконец, впервые в году, видят чистые, сухие мостовые и небо без облаков. Еще не настал полдень, когда роскошный кабриолет, запряженный парой горячих лошадей, свернул с улицы Кастильоне на улицу Риволи и остановился за чередой экипажей, возле решетки, недавно возведенной у террасы Фейянов. Этой проворной коляской правил человек озабоченного и болезненного вида; сидящие волосы едва прикрывали желтоватый череп и старили его раньше времени; он бросил вожжи верховому лакею, ехавшему за коляской, и сошел, чтобы принять в свои объятия хрупкую миловидную девушку, которая сразу привлекла внимание праздных зевак на террасе. Ступив на подножку коляски, молодая особа охотно дала взять себя за талию и обвила руками шею своего спутника, который опустил ее на тротуар, нисколько не помяв оборки зеленого репсового платья. Влюбленный и тот не выказал бы большей заботы. Незнакомец, верно, был отцом девушки — не сказав ни слова благодарности, она запросто взяла его под руку и уверенно повлекла в сад. Старик отец перехватил восхищенные взгляды нескольких

молодых людей, и печаль на миг сошла с его лица. Он давно вступил в тот возраст, когда приходится довольствоваться обманчивыми радостями, даруемыми тщеславием, и уже мог бы ими не прельщаться — и все же улыбнулся.

— Все думают, что ты моя жена, — шепнул он на ухо девушке и, выпрямившись, зашагал с такой медлительностью, что та пришла в отчаяние.

Кажется, он находил удовольствие в том, что на его дочь обращают внимание, и, пожалуй, больше ее самой наслаждался взорами, которые бросали любопытные на ее маленькие ножки в темно-коричневых прюнелевых ботинках, прелестный стан, который облегалось платье со вставкой, и нежную шею, не вполне скрытую вышитым воротничком. При ходьбе подол слегка приподнимался, открывая безупречную, словно точеную, ножку в ажурном шелковом чулке. А потому многие из гулявших обгоняли эту пару и любовались — кое-кто не единожды — юным личиком в обрамлении каштановых кудрей, казавшимся еще свежее и краше под отсветом розового атласа, которым был подбит изящный капор, и от жгучего нетерпения, сквозившего во всех чертах этого очаровательного создания. Нежное лукавство светилось в прекрасных влажно-черных глазах с миндалевидным разрезом, осененных длинными ресницами, над которыми выгибались изящно очерченные брови. Живость и молодость щедро одарили своими сокровищами это своенравное лицо и эту фигурку, такую грациозную, несмотря на пояс, повязанный на тогдашний манер высоко под грудью. Нечувствительная к восторгам, девушка с каким-то беспокойством глядела на дворец Тюильри — к нему-то она, по-ви-

димому, и стремилась с таким рвением. Было без четверти двенадцать. Час был ранний, но несколько дам, желавших пощеголять своими туалетами, уже возвращались от дворца, то и дело оборачиваясь с надутым видом, как будто они раскаивались, что пришли слишком поздно и не увидели долгожданного представления. Хорошенькую незнакомку очень взволновали какие-то слова, брошенные в раздражении этими раздосадованными модницами. Старик же скорее с любопытством, чем с насмешкой следил за выражением страха и нетерпения на очаровательном лице своей спутницы и, пожалуй, наблюдал за ней даже слишком внимательно, движимый затаенной отцовской тревогой.

То было тринадцатое по счету воскресенье 1813 года. Через день Наполеон отправится в тот роковой поход, в котором потеряет одного за другим Бессьера и Дюрока, одержит верх в достопамятных сражениях при Лютцене и Бауцене, будет предан Австрией, Саксонией, Баварией, Бернадотом и встретится с врагами в жестокой битве под Лейпцигом. Великолепному параду под командованием самого императора суждено было стать последним из тех, которые так долго приводили в восхищение парижан и иностранцев. Старая гвардия готовилась в последний раз исполнить искусные маневры со всем тем блеском и точностью, что изумляли порой самого исполина, собиравшегося в те дни на схватку с Европой. Далеко не радостное чувство влекло в Тюильри разряженную любопытную толпу. Каждый словно угадывал будущее и, быть может, предвидел, что в его воображении еще не раз — когда героические для Франции времена отойдут в прошлое и покажутся, как

ныне, почти легендарными — будет вставать вся эта картина.

— Пойдемте же скорее, папа! — бойко говорила девушка, увлекая за собой старика. — Я слышу барабаны.

— Это войска входят в Тюильри, — отвечал тот.

— Или выходят, ведь все возвращаются! — возразила она, как обиженный ребенок.

Старик улыбнулся.

— Парад начнется лишь в половине первого, — сказал отец, едва поспевая за своей стремительной дочерью.

Глядя на движения ее правой руки, можно было бы подумать, что так она помогает себе бежать. Маленькая ручка в изящной перчатке, беспокойно мявшая носовой платок, напоминала весло, рассекающее волны. Старик время от времени улыбался, но иногда на его иссохшем лице проступала хмурая озабоченность. Любовь к этому прекрасному созданию доставляла ему радость в настоящем, но в то же время вызывала опасения за будущее. Он словно говорил себе: «Сегодня она счастлива, но будет ли так всегда?» Ибо старики склонны наделять своими печальми будущее молодых. Наконец, когда отец и дочь оказались между колонн павильона с развевавшимся на вершине трехцветным флагом — через эту часть дворца гуляющая публика обычно входит и выходит из сада Тюильри на площадь Каррузель, — раздался строгий окрик часовых: «Прохода больше нет!»

Девушка приподнялась на цыпочки и разглядела толпу нарядных дам, теснившихся по обеим сторонам старинной мраморной аркады, откуда должен был появиться император.

— Вот видите, отец, мы опоздали!

Недовольная гримаска ясно показывала, что девушке было совершенно необходимо присутствовать на параде.

— Что ж, Жюли, пойдем, ты ведь не любишь толкотни.

— Останемся, папа! Отсюда я все-таки смогу взглянуть на императора, а то, если он погибнет в походе, я так никогда его и не увижу.

При этих словах отец вздрогнул — так жалобно звучал голос дочери; посмотрев на нее, он как будто заметил под ее опущенными ресницами несколько слезинок, вызванных не столько досадой, сколько теми первыми печальями, тайну которых легко угадать всякому старому отцу. Вдруг Жюли вся вспыхнула и что-то выкрикнула — ни часовые, ни отец не поняли смысла восклицания. Зато какой-то офицер, торопливо пересекавший двор по направлению к лестнице, с живостью обернулся на этот возглас, подошел к садовой аркаде, узнал девушку, которая на мгновение оказалась скрыта высокими мохнатыми шапками гренадеров, — и тотчас же отменил для нее и ее отца им самим отданный приказ. Затем, не обращая внимания на ропот пышно разодетой толпы, осаждавшей аркаду, он нежно привлек к себе обрадованное создание.

— А, так ты сегодня дежуришь. Больше не удивляюсь ни ее гневу, ни ее поспешности, — сказал офицеру старик полушутя, полусерьезно.

— Сударь, — отвечал молодой человек, — если вам нужны хорошие места, не будем тратить время на разговоры. Император ждать не любит, маршал поручил мне доложить его величеству, что все готово.

С этими словами он непринужденно подхватил Жюли под локоть и быстро повлек в сторону площади Каррузель. Девушка с изумлением увидела громадную толпу, стиснутую в узком пространстве между серыми стенами дворца и тумбами, соединенными цепями, что делят внутренний двор Тюильри на несколько больших, усыпанных песком квадратов. Часовые, выставленные, дабы освободить проход для императора и его штаба, едва сдерживали натиск нетерпеливой толпы, гудевшей словно пчелиный рой.

— Наверное, будет очень красиво, да? — с улыбкой спросила Жюли.

— Берегитесь! — закричал вдруг офицер. Схватив Жюли за талию, он одним сильным движением приподнял ее и перенес к одной из колонн.

Не спохватись офицер вовремя, его любопытную родственницу помял бы своим крупом белый конь под зеленым бархатным седлом с золотой вышивкой; его держал под уздцы наполеоновский мамлюк — почти под самой аркадой, шагах в десяти позади остальных лошадей, ожидавших сановников из свиты императора. Молодой человек оставил отца с дочерью у первой тумбы справа, впереди толпы, и кивком головы поручил их двум старым гренадерам, между которыми они очутились. Когда он направился обратно во дворец, улыбка счастья и радости сменила на его лице внезапный испуг, вызванный происшествием с лошадью; Жюли украдкой пожала ему руку, то ли благодаря за небольшую услугу, которую он только что ей оказал, то ли желая этим сказать: «Наконец-то я вас вижу!» Она даже склонила слегка головку в ответ на почтительный поклон офицера, который он адресовал ей и ее отцу, перед тем как стремительно

исчезнуть. Старик, похоже, нарочно оставил молодых людей на минуту наедине и с важным видом держался чуть поодаль; он тайком наблюдал за дочкой, но, чтобы не смущать ее, притворялся, будто поглощен созерцанием великолепного зрелища, какое представляла собой площадь Каррузель. Когда Жюли послала отцу взгляд, какой бросает обеспокоенный школьник на учителя, тот ответил ласковой и даже веселой улыбкой; при этом его цепкий взор неотрывно следил за офицером, пока тот не скрылся за аркадой, и от старика не ускользнула ни одна подробность этой короткой сцены.

— Как красиво! — прошептала Жюли, сжав отцовскую руку.

Живописный и величественный вид, какой являла собой в эту минуту площадь, вызывал подобные же возгласы у тысячи других застывших в восхищении зрителей. Еще один ряд публики, так же плотно сжатый, как и тот, где стояли старик с дочерью, теснился напротив, занимая узкую мощеную полосу вдоль решетки, отделяющей двор Тюильри от площади Каррузель. Пестревшая женскими нарядами толпа жирным контуром обрисовывала огромный вытянутый четырехугольник, заключенный между строениями дворца и новенькой решеткой. Готовые к смотру полки старой гвардии наполняли это обширное пространство, выстроившись против фасада внушительными колоннами в десять синих шеренг. По ту сторону металлической ограды, на площади Каррузель, расположились такими же параллельными рядами пехотные и кавалерийские полки, которые должны были пройти церемониальным маршем под триумфальной аркой, возведенной по центру и увенчанной

в ту пору великолепной венецианской квадригой. Полковые оркестры, находившиеся в нижних галереях Лувра, были скрыты от глаз зрителей: их заслоняли дежурные польские уланы. Основная часть посыпанной песком прямоугольной арены оставалась свободной, ожидая передвижения этих беззвучных людских масс, расставленных со строгой симметрией по всем правилам военного искусства и сверкавших солнечными бликами на гранях десяти тысяч штыков. Ветерок колыхал солдатские плюмажи, и они гнулись, словно деревья в лесу под напором урагана. Эта красочная немая громада пестрела невероятным множеством оттенков, поражая разнообразием мундиров, украшений, оружия и аксельбантов. Вся эта грандиозная картина, представлявшая в миниатюре поле боя перед сражением, со всеми ее деталями и особенностями, была эффектно обрамлена высокими статными зданиями, неподвижности которых, казалось, подражали солдаты и командиры, и зритель невольно сравнивал человеческие стены с каменными. Солнце щедро заливало своим сиянием и новые белые стены, воздвигнутые совсем недавно, и старые, простоявшие века; ярко освещало бесчисленные обветренные лица, на которых можно было прочесть следы опасностей минувших и стойкую готовность к тем, что только предстояли. Перед рядами своих храбрых воинов прохаживались взад и вперед одни лишь командиры полков. А дальше, позади этих ровных квадратов, сверкавших серебром, лазурью, пурпуром и золотом, любопытные могли разглядеть трехцветные флажки на копьях шести неутомимых польских всадников, которые, подобно псам, ведущим стадо овец, беспрестанно гарцевали между войсками

и публикой, не пуская собравшихся за пределы отведенной им узкой полосы вдоль дворцовой решетки. Не будь этого мелькания уланов, вы бы подумали, что очутились в замке Спящей красавицы. Весенний ветерок, шевеливший длинный ворс на меховых шапках гренадеров, свидетельствовал о неподвижности солдат, а глухой ропот толпы подчеркивал их молчание. Лишь изредка раздавалось позвякивание бунчука или случайный негромкий удар в барабан, эхом отражавшийся от дворцовых стен, напоминая отдаленные раскаты грома — предвестники грозы. Толпой владело какое-то неопишное воодушевление. Франция прощалась с Наполеоном накануне кампании, опасность которой была ясна каждому, до последнего гражданина. Дело на этот раз шло о самой Французской империи — быть ей или не быть. Мысль эта, похоже, волновала и штатских, и военных, всех, кто молча теснился внутри огороженного пространства, над которым парили орел и гений Наполеона. Солдаты эти были надеждой Франции, последней каплей ее крови, отчего тревожное напряжение зрителей еще более возрастало. Большинство из них прощались с воинами, скорее всего, навеки; но все сердца, даже самые враждебные к императору, возносили пламенные мольбы к небесам о славе отечества. Даже те, кто смертельно устал от борьбы, в которую вступили Европа и Франция, все как один забыли свою ненависть, проходя под Триумфальной аркой, ибо понимали, что в минуту опасности Наполеон и Франция — одно. Дворцовые куранты пробили полчаса. Гул в толпе затих, и тишина сделалась такой густой, что можно было бы различить слабый голос ребенка. В это мгновение до старика и его до-

чери, казалось целиком обратившихся в зрение, донесли откуда-то из-под гулкой галереи дворца звук шпор и бряцание сабель.

И вдруг показался невысокий, довольно тучный человек в зеленом мундире, белых лосинах и ботфортах, в неизменной своей треуголке, прославленной не меньше его самого. На груди его трепетала широкая красная лента ордена Почетного легиона, а сбоку висела короткая шпага. На него разом обратились все взгляды, на всех концах площади. Тотчас послышалась приветственная дробь, и оба оркестра заиграли воинственный мотив, подхваченный всеми инструментами — от нежнейшей флейты до турецкого барабана. В ответ на этот грозный призыв содрогнулись сердца, склонились знамена, солдаты взяли на караул, одним махом вскинув ружья во всех шеренгах, от первой до последней. По рядам, словно эхо, пронеслись слова команды. В восторженной толпе раздались крики: «Да здравствует император!» Наконец все всколыхнулось, ожило, заволновалось. Наполеон вскочил на коня. Движение это вдохнуло жизнь в безмолвные массы, дало голос инструментам, взметнуло в едином порыве штандарты и знамена, заставило все лица преобразиться от душевного трепета. Казалось, столетние стены высоких дворцовых галерей тоже кричат: «Да здравствует император!» В этом было что-то сверхъестественное, какое-то колдовство, подобие божественного могущества или, скорее, мимолетный образ этого столь мимолетного царствования. Человек, окруженный со всех сторон такой любовью, восхищением, преданностью, поклонением, тот, ради которого солнце прогнало с неба тучи, сидел прямо на коне, немного впереди своей раззолоченной свиты; по левую руку его был

обер-гофмаршал, по правую — дежурный маршал. Несмотря на все возбуждаемые им восторги, в лице императора не дрогнула ни одна жилка.

— О, ну конечно, бог ты мой! В гуще огня при Ваграме, среди мертвых тел на Бородинском поле, *он* всегда спокоен, как скала!

Так отвечал на многочисленные расспросы гренадер, стоявший подле девушки. На какое-то время Жюли вся ушла в созерцание этого бесстрастного лица, выразившего непоколебимую уверенность в собственном могуществе. Заметив мадемуазель де Шатийоне, император наклонился к Дюроку и что-то коротко ему сказал, отчего обер-гофмаршал улыбнулся. Начался смотр. Если до сих пор юная особа делила свое внимание между непроницаемым лицом Наполеона и сине-зелено-красными шеренгами войск, то теперь, среди быстрых и точных перестроений старых солдат, ее занимала лишь фигура молодого офицера, который то скакал среди этих стройно движущихся рядов, то с неутомимой быстротой возвращался к отряду во главе с блистательным, просто одетым Наполеоном. Офицер этот сидел на великолепном вороном коне и выделялся на фоне пестрой толпы красивым небесно-голубым мундиром императорского адъютанта. Золотое шитье так ослепительно сверкало на солнце, а плюмаж узкого высокого кивера так ярко отсвечивал в лучах, что зрители, должно быть, сравнивали его с блуждающим огоньком, неуловимым духом, посланным императором, дабы воодушевлять и вести эти батальоны с мелькающими в воздухе штыками, на которых то и дело вспыхивали золотые блики. Повинуясь одному лишь взгляду офицера, войска расступались, соединялись снова, кружились, как волны в морской пучине, или

проходили перед ним, словно высокие отвесные валы, какие разгневанный океан катит к берегу.

Когда парад кончился, адъютант поскакал во весь опор и остановился перед императором, ожидая приказаний. В это мгновение он оказался шагах в двадцати от Жюли, против императора и его свиты, и в позе его было сходство с генералом Раппом, каким представил его Жерар на картине «Наполеон при Аустерлице». Девушка могла теперь вблизи полюбоваться своим избранником во всем его военном блеске. Полковнику Виктору д'Эглемону едва исполнилось тридцать лет; он был высок, строен, хорошо сложен; выгоднее всего его прекрасная фигура смотрелась, когда он употреблял свою силу на управление лошадью и под ним будто выгибалась ее изящная, гибкая спина. Смуглое мужественное лицо обладало той неизъяснимой притягательностью, какая встречается у молодых людей с безукоризненно правильными чертами. У него был высокий широкий лоб и горящие глаза под густыми бровями, осененные длинными ресницами, — два светлых овала, словно очерченных углем. Орлиный нос украшала тонкая горбинка. Губы казались еще алее под дугой неизбежных черных усов. Широкие скулы, горевшие темным румянцем, говорили о незаурядном здоровье и жизненной силе, а лицо, отмеченное печатью отваги, относилось к тому типу, какой нынче ищут художники, желающие изобразить героя наполеоновской Франции. Конь был весь в мыле и потряхивал головой в крайнем возбуждении; широко поставленные передние ноги напряженно замерли на одной линии, меж тем как длинный пышный хвост развевался по ветру; преданность скакуна была зримым отражением того чувства, какое его хозяин питал к импера-

тору. Видя, как ее возлюбленный ловит взгляды Наполеона, Жюли почувствовала укол ревности — на нее-то ведь он еще ни разу не взглянул. Вдруг монарх что-то произнес, и Виктор, пришпорив лошадь, тут же пускается в галоп; но тень какой-то тумбы на песке пугает животное, оно в страхе пятится и взвивается на дыбы, да так порывисто, что всадник, похоже, в опасности. Жюли вскрикивает, бледнеет, все с любопытством смотрят на нее, но она никого не видит — взгляд ее прикован к этой разгоряченной лошади, которую офицер умиряет прямо на скаку, торопясь передать приказ Наполеона. Эта ошеломительная сцена настолько захватила Жюли, что она безотчетно схватила отца за руку и тем самым невольно выдала свои мысли, поскольку ее волнение передалось пальцам: в тот миг, когда конь едва не сбросил Виктора, девушка стиснула отцовское запястье с такой силой, словно падение грозило ей самой. Отец с угрюмым беспокойством наблюдал за сменой настроений на лице дочери, и в горестно искаженных старческих чертах сквозили жалость, ревность, а временами и неподдельное отчаяние. Когда же необычный блеск в глазах Жюли, ее крик и судорожное движение пальцев не оставили никаких сомнений в тайне ее сердца, отцу, должно быть, приоткрылось печальное будущее — такая тоска отразилась в его взоре. В это мгновение душа Жюли как будто слилась с душой офицера. Страдальческое лицо старика искривилось от мысли мучительней прежних, когда он заметил, что д'Эглемон, проезжая мимо, обменялся с Жюли многозначительным взглядом, а глаза девушки влажно заблестели и щеки запылали жаром. Отец резко схватил дочь за руку и увлек в Тюильрийский сад.

— Но, отец, на площади есть еще полки, которые не маршировали.

— Нет, дитя мое, все войска уже уходят.

— Мне кажется, папа, вы ошибаетесь. Господин д'Эглемон наверняка велел им выдвигаться...

— Я дурно себя чувствую, дорогая, и не хочу оставаться.

Жюли было нетрудно в это поверить, когда она взглянула на отца: от всех нахлынувших тревог он выглядел совершенно подавленным.

— Вам очень плохо? — спросила она равнодушно, поглощенная другим.

— Пойми, каждый новый день может стать для меня последним, — ответил старик.

— Ну вот, опять вы вздумали наводить уныние разговорами о смерти. А ведь мне было так весело! Сейчас же прогоните прочь свои проклятые черные мысли!

— Ах, избалованное дитя! — воскликнул со вздохом отец. — Даже самые добрые сердца подчас бывают так жестоки... Мы посвящаем вам жизнь, думаем лишь о вас, заботимся о вашем благополучии, приносим свои вкусы в жертву вашим прихотям, обожаем вас, готовы даже кровь свою отдать — разве это пустяк? Увы, все это вы принимаете с неблагодарным безразличием. Чтобы завоевать вашу улыбку и снисходительную любовь, нужно быть всемогущим, как Бог. А потом вдруг является другой, возлюбленный или муж, — и похищает у нас ваше сердце!

Жюли с удивлением взглянула на отца. Медленно шагая рядом, он смотрел на нее потухшими глазами.

— Вы даже прячетесь от нас, — продолжал он, — хотя, быть может, и от себя самих...

— О чем вы говорите, отец?

Содержание

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ЖЕНЩИНА

Перевод В. Петрова

I. Первые ошибки	7
II. Тайные страдания	95
III. В тридцать лет	121
IV. Перст Божий	151
V. Две встречи	168
VI. Старость грешной матери	229

НЕВЕДОМЫЙ ШЕДЕВР

Перевод И. Брюсовой

I. Жиллетта	249
II. Катрин Леско	274

ПОЛКОВНИК ШАБЕР

Перевод Н. Жарковой

287

Бальзак О. де

Б 21 Тридцатилетняя женщина : роман, новеллы / Оноре де Бальзак ; пер. с фр. И. Брюсовой, Н. Жарковой, В. Петрова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 384 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-23415-4

Знаменитый роман Оноре де Бальзака «Тридцатилетняя женщина» относится к разделу «Сцены из частной жизни» масштабного цикла «Человеческая комедия», и именно благодаря ему родилось крылатое выражение «женщина бальзаковского возраста». Работа над текстом романа, составленного из самостоятельных рассказов, часть которых прежде публиковалась в журналах, продлилась более десяти лет.

В последовательно расположенных рассказах автор разворачивает перед читателем историю жизни Жюли д'Эглемон, которую на первых страницах мы встречаем юной девушкой, без памяти влюбленной в будущего супруга. Наблюдая за судьбой героини, автор размышляет о природе любви между мужчиной и женщиной и родительской любви, о современном браке и современном обществе.

В настоящем издании роман «Тридцатилетняя женщина» публикуется в новом переводе.

Помимо него в сборник включены два других знаменитых произведения из цикла «Человеческая комедия»: новеллы «Неведомый шедевр» и «Полковник Шабер».

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК
ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ
ЖЕНЩИНА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Анна Лисицына
Художественный редактор Александр Балабанов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Терскова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.06.2023. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 20,16.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

V-AMC-32367-01-R